

Содержание

Из предисловия к «Третьей книге о призраках», изданной под редакцией леди Синтии Асквит, 1955	7
Гость из Австралии	11
Подоло	34
Самоходный гроб	71
Вперед ногами	99
Котильон	142
Владение и владелец	168
Мысль	187
Конрад и дракон	203
Остров	239
Ночные страхи	262
Морилка	270
Я тебя позову	326
У. Ш.	331
Два Вейна	347
Поместье Монксхуд	362
Еще по одной в честь реки	380
Там кто-то в лифте	402

Лицо	410
Угловая тумба	441
Христославы	464
Пампасная трава	473
На распутье	489
Per far l'amore	500
Жильцы	524
Миссис Картерет принимает	539
Подъем! Бегом марш!	574
Райское уголье	589
Радости и печали	601
Просьба не трогать	616
Дом, милый дом	639
Тень на стене	651
Голоса	672
Миссис Г. Г.	686
Пятно на кресле	692

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ О ПРИЗРАКАХ», ИЗДАННОЙ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЛЕДИ СИНТИИ АСКВИТ, 1955

Л. П. Хартли

... **Р**ассказы о призраках и привидениях — жанр отнюдь не простой. Это не наивысшая форма литературного творчества, но зато самая требовательная из всех форм и, возможно, единственная, не имеющая промежуточных вех между успехом и полным провалом. Такие истории либо сразу выходят на славу, либо не удаются вообще.

Рассказы о привидениях также требуют определенного антуража и настроения. Само размышление об этих историях дается мне не без труда: здесь и сейчас, под сияющим солнцем итальянского утра. Зримый материальный мир проявляет себя слишком ярко. Автору, сочиняющему истории о незримом и нематериальном, надо вносить коррективы в свое видение мира. Великолепные пейзажи Италии, здешние люди, открытые и прямодушные, искренне восхищают пришельца с севера, бодрят его и укрепляют дух, предоставляя ему извне некий аналог духовного витамина, каковым витамином в родной стране он может себя обеспечивать лишь изнутри — при условии, что может вообще. Даже самые пылкие приверженцы мистики в литературе признают, что вкус к данному жан-

© Перевод. Т. Покидаева, 2020.

ру отдает некоторой ненормальностью и сохраняется, вероятно, как пережиток пубертатного периода — как дефицит ярких переживаний, болезнь, которой подвержены те из нас, чье воображение не реагирует на повседневный, обыденный опыт и нуждается в дополнительных острых ощущениях.

В детективных историях эти острые ощущения создаются при помощи ресурсов возможного; даже самые невероятные сюжетные перипетии всегда должны объясняться с точки зрения логики и здравого смысла. Но в рассказах о привидениях — историях, где не действуют законы природы, — события необъяснимы с такой точки зрения. Мистическая история, поддающаяся рациональному объяснению, — это такая же аномалия, как детектив, не поддающийся рациональному объяснению. Первая восстает против материалистических представлений о мироздании, а последний проистекает как раз из таких представлений.

Задача автора мистики тяжелее в том плане, что ему надо не только создать целый мир, где не действует наш здравый смысл, но и придумать законы для этого мира. Одного хаоса мало. Даже призраки и привидения должны соблюдать некие нормы и правила. В прошлом их действия подчинялись традиционным стандартам: например, привидениям было положено завывать и греметь цепями. Как правило, каждое привидение было привязано к определенному месту, за пределы которого не выходило. С тех пор их права и свободы изрядно расширились: они вольны перемещаться куда угодно и проявлять себя самыми разными способами. Подобно женщинам и другим угнетенным слоям населения, призраки и привидения добились эмансипации, их признали дееспособными, и теперь им доступно не только многое из того, что недоступно простому смертному, но и многое из того, что раньше было доступно лишь

смертным. Нематериальные сущности получили возможность пользоваться благами нашей материалистической цивилизации.

Облегчила ли эта свобода работу писателям в жанре рассказов о призраках? С одной стороны, да, потому что теперь мы имеем небывалое разнообразие тем и сюжетов. С другой стороны, нет, поскольку с традиционным, скажем так, устоявшимся привидением управляться значительно проще, чем с привидением, чьи пределы возможностей неизвестны. Если оно только воеет и гремит цепями, мы знаем, чего от него ожидать и как с ним работать. Если оно проявляет себя исключительно в форме запаха или потока холодного воздуха, мы тоже знаем, как с ним работать. Даже с такими простыми эффектами, если умеючи их применить, можно добиться большой выразительности. Но если призрак настолько похож на обычного человека, что никто даже не замечает особой разницы, тогда в чем заключается разница? Где проходит граница между призраком и человеком?

Призрак Банко может явиться на пир, сесть за стол и испортить веселье живым, но Шекспир не дает ему ни есть, ни пить. Я не могу привести пример с ходу, но совершенно не удивлюсь, если мне встретится современное привидение, вполне способное и есть, и пить. Демократия установилась и в мире духов. Всем всего поровну! Почему бы призракам не вкушать пищу, как вкушаем ее мы с вами? Нельзя отнимать у них это право! Мы выступаем за справедливость! И все-таки необходимо поставить предел продвижению призрачных сущностей в мире материи, иначе призраки станут совершенно неотличимы от нас, а такого быть не должно. В какой-то момент мы должны осознать, что перед нами именно призрак — это будет момент потрясения, неожиданности и ужаса, и по спине у читателя пробежит холодок.

Собственно, это и есть кульминация рассказа о привидениях. Та самая точка, которая определяет успех или провал всей истории; и чем больше выбор сверхъестественных проявлений, тем труднее найти наиболее убедительный вариант: ведь если призраку можно и то, и другое, и третье, то почему же нельзя и четвертое? Вправе ли автор лишать его этой малой свободы? Мы скажем, что автор творит произвол, что он пристрастен и деспотичен; он оскорбляет не только читательское чувство справедливости, но и эстетическое чувство тоже. В прежние времена, когда у призраков и привидений не было никаких прав и свобод, равно как и доступа к благам материального мира, авторам было гораздо проще. Найти убедительный ответ на вопрос: «Если призрак не может ни того, ни другого, ни третьего, то с чего бы он вдруг смог четвертое?» — действительно проще, чем на вопрос, заданный выше.

Я ни в коем случае не призываю отобрать у призрачных существ эти права и свободы. Может, они и добавили сложностей сочинителям мистических историй, но чем тяжелее борьба, тем ценнее победа, если история хороша. Все зависит от воображения автора: как он будет выкручиваться, сможет ли убедить своего читателя, что призрак способен, к примеру, общаться с живыми по телефону, но не способен общаться по радию. Иными словами, сможет ли автор составить свод правил для призраков и привидений, причем таких правил, которые мы согласимся — и *они* согласятся — признать.

ГОСТЬ ИЗ АВСТРАЛИИ

«Кто придет и его заберет?»

Мартовский день начинался многообещающе, но под вечер погода испортилась. Пошел дождь, поднялся туман, и непонятно, чего было больше — тумана или дождя. Словоохотливый кондуктор в автобусе сообщал пассажирам, ехавшим в нижнем закрытом салоне, что вечер сегодня туманный, а тем, кто сидел на открытой палубе наверху, — что вечерок нынче изрядно промозглый. Однако в автобусе, как внутри, так и снаружи, царило вполне жизнерадостное настроение: ведь пассажиров, привыкших к неудобствам из-за капризов погоды, не напугаешь каким-то дождем и туманом. Впрочем, нынешнее ненастье все-таки стоило упоминания — даже признанные мастера светской беседы запросто говорят о погоде, не боясь показаться банальными. И уж что взять с кондуктора, который, как и большинство представителей своего славного племени, был мастак поговорить.

Автобус ехал по центру Лондона, завершая последний на сегодня рейс. Нижний салон был заполнен лишь наполовину. Наверху, как подсказывало кондуктору шестое чувство, еще оставался один пассажир, то ли самый выносливый, то ли просто слишком ленивый, чтобы прятаться от дождя. Автобус быстро катился по

© Перевод. Т. Покидаева, 2020.

Стрэнду, и вот с верхней палубы донеслись шаркающие шаги, и обитые металлом ступени лестницы тяжело за скрипели под ногами спускавшегося пассажира.

— Есть еще кто-нибудь наверху? — спросил кондуктор, завидев кончик зонта и подол макинтоша.

— Вроде бы никого, — отозвался мужчина.

— Не то чтобы я вам не верю, — учтиво заметил кондуктор, подавая ему руку, — но, наверное, все-таки стоит сходить проверить.

С ним такое бывало: он иногда сомневался в собственной наблюдательности. Обычно это случалось, когда его одолевала усталость под конец долгого дня, но он старался не поддаваться сомнениям, считая их признаком слабости. Если начнешь потакать своим слабостям, сам же перестанешь себя уважать. «Совсем ты, старый, рехнулся», — сказал он себе и помог пассажиру спуститься с лестницы, с радостью ухватившись за эту возможность отвлечься и не терзаться сомнениями, точно ли наверху больше никого нет. Но беспричинная тревога не давала ему покоя, и, недовольно ворча и проклиная собственную дурость, он все-таки поднялся наверх.

К его удивлению — даже, можно сказать, изумлению, — его опасения оправдались. Совершив восхождение, он узрел пассажира на правом переднем сиденье, и тот, хотя его шляпа была плотно натянута на уши, воротник поднят, а между ними виднелся белый помятый шарф, явно услышал, как подходит кондуктор: он смотрел прямо перед собой, но вытянул в проход левую руку с зажатой между указательным и средним пальцем монетой.

— Веселый выдался вечерок, верно? — спросил кондуктор, чтобы хоть как-то начать разговор.

Пассажир не ответил, но монета (это был пенс) скользнула чуть глубже в щель между бледными веснушчатыми пальцами.

— Я говорю, что погода сегодня на редкость противная, — раздраженно пробурчал кондуктор, раздосадованный молчанием незнакомца.

Ответа по-прежнему не было.

— Куда едем? — спросил кондуктор тоном, предполагавшим, что, куда бы ни ехал молчун, это наверняка будет не самое приличное место.

— Кэррик-стрит.

— Куда? — переспросил кондуктор. Он прекрасно расслышал ответ, но в произношении незнакомца была какая-то странность, позволявшая сделать вид, будто он ничего не понял, а значит, имел основания переспросить и тем самым, возможно, унижить неразговорчивого пассажира.

— Кэррик-стрит.

— Так и сказали бы сразу, что Кэррик-стрит, — пробурчал кондуктор, компостируя билет.

Пассажир чуть помедлил и повторил:

— Кэррик-стрит.

— Да-да, я знаю. Не надо мне повторять по сто раз, — вспыхнул кондуктор, безуспешно пытаясь забрать у пассажира монетку. Он не смог подцепить ее сверху, она проскользнула слишком глубоко между сжатыми пальцами, и пришлось вытягивать ее снизу.

Монетка была холодной даже там, где соприкасалась с кожей.

— Знаете? — вдруг спросил незнакомец. — Да что вы знаете?

Кондуктор попытался отдать пассажиру билет, но тот даже не шелохнулся.

— Знаю, что вы шибко умный, — буркнул кондуктор. — Слушайте, уважаемый, куда мне засунуть билет? Вам в петлицу?

— В щель, — ответил пассажир.

— Какую, к дьяволу, щель? — изумился кондуктор. — Вы же не почтовый ящик!

— Между пальцами. Где был пенс.

Кондуктор сам не знал почему, но ему не хотелось прикасаться к руке странного пассажира. Его чем-то смущала эта рука — заостренная и неподвижная, то ли замерзшая, то ли и вовсе парализованная. А поскольку дело происходило на верхней палубе, у кондуктора тоже озябли руки. Он честно пытался пропихнуть билет в щель между застывшими пальцами, но тот только мялся и складывался пополам. Кондуктор, который был человеком не злым по натуре, наклонился пониже и, держа билет двумя руками, сверху и снизу, все-таки вставил его в костлявую «прорезь».

— Ну как-то вот так, кайзер Вилли¹.

Возможно, пассажира обидел этот шуточный намек на его физический недостаток, возможно, он просто не хотел общаться, поэтому сказал:

— Больше не надо со мной разговаривать.

— Разговаривать с вами! — воскликнул кондуктор, окончательно выходя из себя. — Тоже мне удовольствие, разговаривать с соломенным чучелом! — Возмущенно бормоча себе под нос, он спустился в недра автобуса.

На углу Кэррик-стрит в автобус вошла небольшая толпа. Все лომались вперед, всем хотелось быть первыми, но особенно отличились три женщины, пытавшиеся протиснуться в дверь одновременно. Кондуктору приходилось надрывать горло, чтобы перекричать гвалт:

— Тише, тише, не надо толкаться! Вы не на распродаже. Осторожнее, женщина, чуть старика с ног не сбили!

Вскоре суета улеглась, и кондуктор, взявшись за шнур звонка, вспомнил о пассажире на верхней палу-

¹ Имеется в виду император Германии Вильгельм II, который родился с искалеченной левой рукой. — *Здесь и далее примеч. пер.*

бе. Тот говорил, что ему выходить на Кэррик-стрит, но что-то не торопился спускаться. Хоть кондуктору и не хотелось вновь заводить разговор с этим необщительным грубияном, все же природное добродушие взяло верх, он поднялся по ступенькам, вытянул шею и крикнул:

— Кэррик-стрит! Кэррик-стрит!

На большее его не хватило. Но его благой порыв пропал втуне: призыв остался без ответа, никто не пришел.

— Что ж, если хочет сидеть наверху, пусть сидит, — пробормотал кондуктор, все еще обиженный. — Я за ним не пойду и на себе его не потащу, калека он там или нет.

Автобус отъехал от остановки. «Видимо, я не заметил, — подумал кондуктор, — как он проскользнул мимо меня, пока эта братия ломилась в автобус».

В тот же вечер, часов на пять раньше, такси свернуло на Кэррик-стрит и остановилось у входа в маленькую гостиницу. На улице было пусто. Могло показаться, что это тупик, на самом же деле дальний конец Кэррик-стрит пронзал узенький переулок, соединявший ее с Сохо.

— Это все, сэр? — спросил таксист, притащив из машины очередной чемодан.

— Сколько всего получилось?

— Всего девять, сэр.

— Скажите, любезный, вы бы смогли уместить все свое земное имущество в девять баулов?

— Запросто, сэр. Мне хватило бы и двух.

— Что ж, посмотрите, точно ли я ничего не забыл.

Таксист пошарил среди подушек на заднем сиденье.

— Вроде бы ничего, сэр.

— Что вы делаете с вещами, забытыми пассажирами? — спросил незнакомец.